

СЛОВО

въ недѣлю 19-ю по Пятидесятницѣ и въ день памяти св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова (26 сент. 1904 г.)¹⁾.

Возлюбленни, возлюбимъ другъ друга: яко любви отъ Бога есть.

1 Іоанн. IV, —7.

Въ день церковно-молитвеннаго празднованія памяти возлюбленнаго Христу Богу Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, великаго апостола любви, въ день, когда вмѣстѣ съ тѣмъ Св. церковь предлагаетъ намъ евангельское чтеніе о любви къ самымъ врагамъ, о благотворительности и милосердіи по высочайшему примѣру Отца Небеснаго (Лук. VI, 31—36), о чемъ благовременѣе говорить и слышать съ сего священнаго мѣста, какъ не о любви христіанской? Не слишкомъ-ли, однако, извѣстенъ всѣмъ этотъ предметъ? Не проповѣдуется-ли нынѣ любовь христіанская всюду и внѣ храмовъ и помимо священноначалія церковнаго? Не вошла ли любовь въ плоть и кровь христіанскаго человѣчества? Но не было и не будетъ на землѣ времени, когда любовь одѣлалась бы единою, правящею человѣческими дѣйствіями,

¹⁾ Произнесено въ соборной церкви Кіево-Братскаго монастыря 26 сент. 1904 г.

силою. Св. апостолье любви, постигшій и вмѣстившій въ себѣ всю глубину любви христіанской, своимъ примѣромъ убѣждаетъ насъ, сколь необходимы были частыя наставленія о любви даже и для членовъ церкви апостольской. Преданіе церковное рассказываетъ о святомъ Евангелистѣ Іоаннѣ, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ, не имѣя силъ вести пространныя бесѣды съ учениками своими, всегда неизмѣнно повторялъ имъ одно и то же наставленіе: „чада! любите другъ друга“. Въ наше-ли время, когда можно встрѣчать жалобы, и справедливыя, на отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ любви даже въ дѣлахъ любви — въ благотворительности нашего времени, можно считать излишнимъ частое напоминаніе и раскрытіе библейско-церковнаго ученія о любви? И это тѣмъ нужнѣе дѣлать въ святыхъ храмахъ, что иные въ обществѣ и печати о любви христіанской и толкуютъ и судятъ и пишутъ не по духу Христову, какъ и Самого Христа проповѣдуютъ не чисто (Филипп. I, 16). Приникнемъ же, братіе, нашимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ боговдохновеннымъ вѣщаніямъ о любви святаго апостола любви и другихъ провозвѣстниковъ Слова Божія. Это — не богословіе только словъ и мыслей, каково наше разсудочное богословіе, но богословіе жизни въ Богѣ. Какъ наперникъ и другъ Христовъ, св. апостолье Іоаннъ „былъ въ Богѣ и Богъ былъ въ немъ: оттуда чрезвычайная высота его ученія: *ибо Богъ свѣтъ есть* (1 Іоан. I, 5). Оттуда преизбыточествующая любовь въ писаніяхъ и дѣяніяхъ Іоанна: *ибо Богъ любви есть* (1 Іоан. IV, 16)“¹⁾.

¹⁾ Сочиненія Иннокентія, архіел. Херсонскаго и Таврическаго Т. V. СПБ. 1901. стр. 204.

Любовь христіанская,—вѣщаетъ намъ св. Апостоль любви,—не земного, не человѣческаго происхожденія или начала: любовь эта—*она Бога*, и *Самъ Богъ есть любовь*. Любовь есть истинное содержаніе внутренней божественной жизни Бога во Святой Троицѣ; любовь божественная отобразилась и много-различно отображается во всѣхъ отношеніяхъ Бога Троичнаго къ міру и человѣку: въ твореніи ихъ, въ промышленіи и болѣе всего—въ искупленіи. „Для чего“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, „распространяться о маломъ, умалчивая о великомъ? Изъ любви вошелъ къ намъ возлюбленный Сынъ Божій, сталъ обращаться и жить съ людьми. дабы, разсѣявъ многобожное заблужденіе и возвѣстивъ истинное богопознаніе, научить людей любви другъ къ другу, какъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ, когда говоритъ: *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16)“¹⁾ Какъ мудрость христіанская есть *премудрость свыше* (Іак. III, 17), такъ и любовь христіанская пріостекла и истекаетъ изъ Небеснаго же источника любви божественной, и только живая и непрерывная связь любви христіанской съ любовію Божественною дѣлаетъ первую *исполненною милости и плодовъ благихъ* (Іак. III, 17). Иначе, какъ потокъ, отъединенный отъ своего источника, изсякаетъ; какъ искра огня, удаленная отъ цѣлаго пламени, гаснетъ, такъ и любовь христіанская, отрѣзненная отъ спасительной любви божественной, есть любовь безжизненная, мертвая. Напро-

¹⁾ Бесѣды на разные мѣста Св Писанія Т III. СПб 1863, стр. 325

тивъ, согрѣваемая и оплодотворяемая любовію божественною, любовь христианина получаетъ вышеестественную силу, творить чудныя дѣла. „Ею пламенѣя, Павелъ (говорить св. І. Златоустъ) произнесъ небесныя слова: *кто ны разлучитъ отъ любви Божія; скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладь, или нагота, или бѣда, или мечь* (Рим. VIII, 35)... ничто не могло отрѣшить (отъ любви Божіей) этого блаженнаго, горѣвшаго любовію, ни небо, ни земля, ни царство небесное, ни адскія муки; все презиралъ онъ ради Христа. Если же посмотримъ и на другихъ святыхъ, то увидимъ, что всѣ они угодили Богу любовію“¹⁾. Итакъ, любовь христіанская есть единственно достойный и богоприличный отвѣтъ души человѣческой на недомыслимую любовь Божію, явленную въ благахъ— болѣе всего—таинства искупленія. *Мы любилъ Его, яко Той первыи возлюбилъ есть насъ* (1 Іоан. IV, 19), свидѣтельствуется отъ лица всего искупленнаго и облагодатствованнаго человѣчества великій апостоль любви.

Зачинаясь, возрастая и совершенствуясь въ непремѣнной и непрерывной зависимости отъ благодатной силы любви Божіей, любовь христіанская не есть однако одно благочестивое изліяніе чувствъ благоговѣнія, благодарности, преданности и под. къ Богу. Напротивъ, неизбѣжно во всей земной жизни человѣка въ непрестающемъ единствѣ съ любовію къ Богу должна выступать и любовь къ ближнему: первая находитъ въ послѣдней необходимое осуществленіе и выраженіе; одна безъ другой совершенно

¹⁾ Тамъ же, стр 326.

недѣйствительна. *Аще кто речеть,—продолжаетъ св. апостолъ Іоаннь,—яко люблю Бога, а брата своего нечлвдидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любить; и сію заповѣдь и малы отъ Него, да любяй Бога, любить и брата своего (ст 20—21).*

Этотъ-то богоучрежденный и спасительный союзъ обѣихъ заповѣдей закона Божія и производитъ, братіе. то необъятное, изумительное обиліе „плодовъ благихъ“, какіе приносятъ, тѣхъ дивныхъ „дарованій“, которыми сопровождается и свидѣтельствуется истинная любовь. Эти признаки и дарованія, эти дѣйствія и плоды любви христіанской исчисляются въ несравненной „новозавѣтной пѣсни любви“ св. апостола Павла: *Люби долготерпитъ, милосердствуетъ: любви не завидитъ: любви не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ вся покрываетъ, всему вѣру е илетъ, вся уповаеть, вся терпитъ. Люби николиже отпадаетъ* (1 Кор. XIII, 4 - 8). Любовь—долготерпитъ Долготерпѣніе есть какъ-бы отрицательная, хотя и существенная сторона любви. Имѣя высочайшій для себя образецъ въ долготерпѣніи Господа къ людямъ (Чис. XIV, 18. Іоил. II, 13. Іон. IV, 2. 2 Петр III, 9), любовь христіанская терпѣливо и великодушно выжидаетъ благоприятныхъ условій для своего проявленія, не раздражаясь препятствіями со стороны людей или обстоятельствомъ (1 Сол. V, 14) Любовь *милосердствуетъ*: собственная природа любви наиболѣе ярко обнаруживается и раскрывается въ дѣлахъ милосердія и благотворенія, вещественнаго и духовнаго. Безкопечное милосердіе Отца Небеснаго (Лук. VI, 36. Іак. V,

11 1 Петр. IV, 8) и вся земная жизнь Любви Воплощенной—Господа Иисуса Христа, исполненная столь неисчислимыхъ дѣлъ милосердія и благотворенія, что книгъ съ ихъ описаніемъ не вмѣстилъ бы цѣлый міръ (Іоан. XXI, 25), суть вѣчный, недосягаемый и неисчерпаемый, образецъ христіанскаго милосердія. Любовь *не завидитъ*: истинная любовь чужда нечистой ревности—она великодушна. Какое-бы доброе дѣло мы ни дѣлали, всегда найдутся люди, дѣлающіе то же самое, и часто—лучшимъ образомъ. Наше грѣховное самолюбіе волнуется насъ при этомъ, раздражаетъ, но истинная любовь ничего не дѣлаетъ по рвенію и тщеславію, но по смиренномудрію отдаетъ первенство чести другому (Филипп. II, 2—4). Любовь *не превозносится, не гордится*: Всякое доброе дѣло, по грѣховности нашей, можетъ сопутствоваться тщеславіемъ, болѣе или менѣе ошутительнымъ для насъ, а то и несносною гордостью и необузданнымъ самопревозношеніемъ. Но истинная любовь, сознающая, что дѣлаетъ только обязательное для нея и что все совершаетъ благодатію Божіею, непремѣнно смиренна (1 Кор. IV, 6—7. Рим. XI, 18. 20), даже, по мѣрѣ возможности, скрытна: и лѣвая рука являющаго дѣятельную любовь не вѣдаетъ благихъ дѣяній правой (Мф. VI, 3). Любовь *не быциствуетъ*. Сила и дѣятельность любви обнаруживается и въ такомъ, повидимому, неѣшпемъ качествѣ, какъ порядочность, вѣжливость. Безчинство—порокъ плотскаго человѣка (Гал. V, 21), но оно совершенно несвойственно духовной дѣятельности христіанской любви (2 Сол. III, 7), она исключаетъ всякое безобразіе и неблагообразіе, общественное и личное. Любовь *не ищетъ своихъ см.* Неискокорыстна, готовое на всякое самопожертвованіе,

есть неотъемлемое свойство любви, отрицательнымъ образомъ опредѣляющее самую природу любви христіанской (Рим. XV, 2. 1 Кор. X, 24). Любовь *не раздражается*: любовь необходимо должна быть чужда раздражительности; раздражительность, нетерпѣливость и добраго христіанина лишаетъ его любовь христіанской цѣнности, — необходимо самовоспитаніе въ благодушїи, терпѣнїи и кротости, по примѣру Кроткаго и Милостиваго къ раздражающимъ Его Господа (Чис. XIV, 10. 1 Кор. X, 22). Любовь *не мыслитъ зла*: простодушіе, довѣрчивость голубиное незлобіе (Мѡ. X, 16)—свойства истинной любви, способныя воспитательно дѣйствовать на ближнихъ нашихъ: довѣряя ближнему, мы возвышаемъ его въ собственныхъ глазахъ и направляемъ его на истинно-нравственный путь. Любовь *не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ*: любовь христіанская несовмѣстима съ лицемерїемъ и лицепрїятїемъ, напротивъ, чисто-сердечно одобряетъ только согласное съ правдою и истиною. *Вся покрываетъ*: любовь христіанская простирается и на враговъ, обиды и вражду которыхъ покрываетъ благодѣяніемъ по подражанію Отцу Небесному (Лук. VI, 35—36); это—любовь чудотворная; ибо „всякій, любящій врага своего, есть чудотворецъ“ (Св. Димитрій Ростовскій). *Всему вѣру елеть, вся уговаеть, вся терпїтъ*: любовь христіанская все свое дѣло творитъ ради Бога, предъ всевидящимъ взоромъ Его, и свой взоръ съ вѣрою, надеждою и терпѣнїемъ устремляетъ въ недозримую область блаженной вѣчности въ общенїи съ Богомъ. Любовь, и она одна, *никогдаже отпадаетъ*: сохранить всю свою силу и будетъ безконечно возрастать и въ будущей жизни царства славы.

Эту, николиже отпадающую, любовь воплощает и представляет въ церкви Христовой празднуемый нынѣ, братіе, великій апостоль любви, Св. Евангелистъ Іоаннъ. На основаніи его изреченія въ Евангеліи (Іоанн. XXI, 23): *изыде же слово се въ братію, яко ученикъ той не упретъ*, Церковь гадательно и высоко знаменательно именуетъ святаго Іоанна „приснопамятнымъ, живущимъ и ждущимъ страшное второе Владыки пришествіе“¹⁾. Въ лицѣ его живетъ и не умираетъ на землѣ любовь христіанская. Да почиетъ же, братіе, великій духъ любви апостола на насъ грѣшныхъ и на всемъ мірѣ, да черпаемъ всѣ неоскудно силы и дѣйствія любви изъ того же неоскудѣвающаго Источника любви, откуда обильно черпалъ великій апостоль—съ необъятнаго лона любви Христовой, нынѣ болѣе или менѣе несовершенно нами усвояемой и даже мало постигаемой. „Знаю (говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ), что многимъ сказанное (о любви) покажется страннымъ; причиною—то, что я говорю о предметѣ, который нынѣ обитаетъ на небѣ. Какъ, если бы я говорилъ о какомъ нибудь растеніи, которое родится въ Индіи и о которомъ никто опытно не знаетъ, то я не могъ бы вполне объяснить его словомъ, хотя бы весьма много говорилъ о немъ; такъ и теперь, сколько бы я ни говорилъ, я говорилъ бы напрасно, потому что нѣкоторые не поймутъ сказаннаго. Ибо на небѣ, какъ я сказалъ, насаждено это растеніе. Но если мы захотимъ, то оно можетъ быть насаждено и въ насъ.

¹⁾ Стихиря на мал. вечер. „Слава“, Минея сент. 26. Ср. архіеп. Иннокентія, т. V, стр. 200—201.

По сему намъ и заповѣдано говорить къ Отцу Небесному: *да будетъ воля твоя, яко на небеси и на земли*" (Мф. VI, 10) 4). Аминь.

Священникъ А. Глаголевъ.